

РАЗДЕЛ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ» /
SECTION «POLITICAL SCIENCES»

23.00.04 ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ /
POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL
AND REGIONAL DEVELOPMENT

Серия «Политология. Религиоведение»
2018. Т. 26. С. 5–20
Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiapolit.isu.ru/ru/index.html>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 327

DOI <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.26.5>

**Деглобализация и ресуверенизация: двойной мегатренд
2010-х**

С. Ф. Шмидт

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Представлен общий обзор актуальных тенденций деглобализации в мировой политике и мировой экономике. Анализируется эвристическая ценность и полезность понятий «деглобализация» и «ресуверенизация» для современной науки. Формулируются основные исследовательские задачи для изучения феномена деглобализации. Автор предлагает перечень из пяти уникальных черт современной деглобализации. В заключение выдвигается тезис о цикличности волн глобализации и деглобализации и высказано предположение о неизбежной в будущем смене тенденций деглобализации на глобализацию нового типа.

Ключевые слова: антисанкции, глобализация, деглобализация, мировая политика, мегатренды, ресуверенизация, санкции, торговые войны, Brexit.

Для цитирования: Шмидт С. Ф. Деглобализация и ресуверенизация: двойной мегатренд 2010-х // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2018. Т. 26. С. 5–20. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.26.5>

Во второй половине второго десятилетия XXI в. можно уверенно утверждать, что в большей степени политика, в очень значительной степени экономика и в существенно меньшей степени культура современного человечества оказались в ситуации, слишком очевидно противоречащей сложившимся в предшествующие времена представлениям о глобализации. Россыпь новейших фактов, причем не просто умножение их количества, но и их появление в самых разных областях политической и общественной жизнедеятельности, требует серьезной ревизии представлений об актуальных тенденциях мирового развития. Отслеживание и первичная аналитика этих фактов, их инвентаризация должны идти рука об руку с усилиями, направленными на выработку новых теоретических представлений о проис-

ходящем. Данная статья представляет собой попытку осуществления сильного для автора движения в этом направлении.

Дискурс глобализации доминировал в социально-политических науках почти два десятилетия (с конца 1980-х до конца 2000-х гг.). Как и положено полноценному и влиятельному научному дискурсу, он представлял собой совокупность мировоззренческих элементов и риторических практик. В дискурсе глобализации присутствовали: набор оригинальных теоретических концептов, собственный язык описания, вполне канонический перечень тенденций экономического, политического и социокультурного развития (подтверждение теории массивами фактов), специфический угол зрения на действительность, разработанные методики фиксирования и вписывания в готовый теоретический контекст новых фактов. Там же обнаруживались и определенные идеологические конструкты, приспособленные для агитации и пропаганды (продвижения) ценностей глобализации. Идеологию глобализации характеризовал уверенный пафос утвердительно-оптимистичного по поводу ее перспектив и программирующей дух ее «счастливой неизбежности» [3; 4]. Активно постулировавшаяся «однозначность» сама по себе порождала как научные (основанные на фактах и логике), так и вполне политикориторические состязания так называемых гиперглобалистов с оппонентами. Авторы фундаментального труда «Глобальные трансформации: политика, экономика, культура», увидевшего свет, когда глобализация развивалась по восходящей траектории, назвали этих оппонентов «скептиками» и «трансформистами» [5, с. 2].

Разумеется, дискурс глобализации подвергался критическим атакам не только научным, но и вполне идеологизированным. Атаки эти осуществлялись как со стороны «правого (ценностного) консерватизма», отстаивавшего национальные идентичности и национальные ценности, так и со стороны «левого гуманизма» (очень часто – левацкого), в той или иной степени пытавшегося наследовать интернациональным традициям революционного марксизма и эволюционистской социал-демократии. Левые критики стремились «разоблачить» глобализацию, представить ее лукавым идеологическим инструментом, с помощью которого капиталистические страны-лидеры навязывают экономически слабым и зависимым странам, встроенным в режим международной эксплуатации, отказ от политической субъектности (суверенности), убеждая их в том, что утрата суверенитета (десуверенизация) имеет прогрессивный и всеобщий характер. Тем самым ведущие страны отнимали у слабых не только «право голоса» в международной политике, но и саму способность к четкому и рациональному пониманию собственных национальных интересов. За идеологией равенства выгод, создаваемых глобализацией, – равенства, не всегда осуществимого в современности, но якобы неизбежного в будущем, – скрывалось достаточно жесткое разделение на глобализаторов и глобализируемых. Даже если допустить, что выгодополучателями глобализации неизбежно становятся в перспективе обе стороны, то количество и качество получаемых выгод глобализаторами и глобализируемыми всегда остается кричаще несопоставимым и несправед-

ливым. В большинстве случаев левая критика представляла собой реакцию сопротивляющихся маргиналов на господствующий дискурс. Даже в научной среде это был конфликт не столько разнородных, сколько неравных по репутационным ресурсам сторон, а не спор или дискуссия более или менее равных субъектов. Критикующую глобализацию сторону эффективно обвиняли в элементарной старомодности, косности, утрате адекватного восприятия «духа времени». Образ «сумасшедших архаиков» удалось навесить на тех, кто был против глобализации. Сами они не были готовы согласиться с этим образом, но сторонняя публика (читатели научных и публицистических текстов, множество граждан) вполне его принимала.

Конец первого десятилетия XXI в., если быть точным, 2008 г. с его мировым финансовым, а затем и общеэкономическим кризисом, имевшим политические и социальные последствия, стал отправной точкой генезиса глубокого скепсиса в отношении уже не столько полезности глобализации, сколько тезиса о безупречности ее перспектив. Затем скепсис распространился на тезис об актуальности самой глобализации. Логическим развитием этих практических скепсисов стало рождение и последующее становление нового видения мировой реальности, противоположного дискурсу глобализации. В рамках этого нового и до сих пор не утратившего новизну видения декларировался если не «конец глобализации» (хотя звучали и такие радикальные диагнозы [9; 13; 21]), то «кризис глобализации», «остановка глобализации», ее «откат», «отлив», «постановка глобализации на паузу» [10; 22].

Изначально такие позиции обозначились в аналитической публицистике, затем проявились в публичной политике и довольно быстро стали развиваться уже внутри научного сообщества. Никакого постыдного для науки следования в хвосте более «низких жанров» тут, наверное, нет. Слишком масштабные трансформационные процессы запустились, потому неудивительно, что сначала их почувствовали на себе участники реальной жизни, а не ученые, статус и культура которых предполагают необходимость дожидаться достижения этими процессами некой «точки фундаментальности», после чего они становятся легитимными и даже обязательными предметами научных исследований.

Заметим, что особый энтузиазм, вполне объяснимый, возник по поводу сворачивания глобализации среди российских исследователей [16; 21]. Как в исследованиях глобализации, так и в ее апологетике, россияне не могли не ощущать собственную второсортность, да и факты глобализации, вызревавшие на российской почве, явно уступали по степени что яркости, что репрезентативности материалам из других стран. В ситуации контрглобализации в экономике и «возвращения суверенитета» в мировую политику у российских ученых появляются возможности занять передовые рубежи актуальных социально-политических и экономических исследований, например, потому, что в России, с ее устойчивой приверженностью вполне классическим принципам национально-государственного суверенитета, изучать то, что ниже будет неоднократно названо «ресуверенизацией», просто более психологически комфортно.

Представляется, что можно выделить шесть больших исследовательских задач, стоящих перед разными отраслями современных политических и социальных наук, обращающихся к изучению контрглобализационных тенденций.

1. Задача понятийно-терминологическая. Поиск или создание понятийно-терминологического аппарата, удобного для аналитического описания актуальной современности во всем многообразии ее аспектов, элементы которого – понятия и термины – могли бы претендовать на хотя бы относительное консенсусное их принятие и использование в научной среде.

2. Поиск, выявление, фиксирование, описание и упомянутая выше инвентаризация фактов современных контрглобализационных тенденций, разумеется, при полном запрете на игнорирование фактов, свидетельствующих о сопротивляемости и устойчивости глобализационных тенденций, уже хорошо известных науке. В этой исследовательской работе особенно важно придерживаться принципа «открытость финала», поскольку обрушивающийся на исследователей каскад фактов нередко просто потрясает своей абсолютной непредсказуемостью. Окончательная точка не просто не просматривается, но и с трудом воображается. Мы в принципе не можем предполагать, чем еще может удивить нас перемена длительной тенденции глобализации на тенденцию ее остановки и сворачивания. Ведь еще два-три года назад мы жили в мире, в котором был просто невозможен целый ряд случившихся феноменов. В первую очередь тут следует упомянуть добровольный и легитимированный через общенациональный референдум выход Великобритании из Европейского союза или победу на президентских выборах в США политика с личностным имиджем и риторикой бизнесмена-республиканца Дональда Трампа. Далее, это полноценные торговые войны между ближайшими политическими союзниками, теми, что образуют, как это видится из России, «консолидированный Запад», причем это «торговые войны», происходящие в контексте «новой холодной войны» между этим самым Западом и Россией. Кроме того, это включение Крыма в состав Российской Федерации, последующие санкции-антисанкции, гибридная война на востоке Украины, прокси-война в Сирии, кризис разнообразных институтов, которые в XX в. сложились в полноценную «инфраструктуру глобализации». Речь тут следует вести в первую очередь не об ООН, а о МВФ, Всемирном банке, ВТО и даже Организации экономического развития и сотрудничества. Все это факты деглобализации. Заметим только, что упомянутый конфликт Запада и России является чуть ли не единственным феноменом деглобализации, который мог быть предсказан в предшествующем столетии и который не обрушился «как снег на голову». Он подготавливался и развивался конфликтующими сторонами достаточно постепенно и последовательно.

3. Определение уровня уникальности и беспрецедентности происходящих процессов. Постановка и усилия по разрешению данной задачи делают неизбежными в некоторой степени банальные дискуссии историков и политологов (и социологов), в которых первая сторона в силу собственной профессиональной деформации отстаивает тезис об отсутствии принципиальной новизны в происходящем, а вторая сторона, наоборот, стремится под-

черкнуть радикальный характер разворачивающихся перемен. Историки зачастую склонны обвинять политологов (и социологов) в элементарной исторической неграмотности, получая в ответ обвинения в излишней косности и неспособности к смене исследовательской оптики. Происходящий «спор факультетов» – так можно обозначить происходящее, используя знаменитую метафору И. Канта [6], – вечен, неразрешим и близок к тому, что даже можно назвать проявлением хорошего тона в научной среде.

4. Выявление с последующей концептуализацией по-настоящему специфических черт современных контрглобализационных процессов. Данная задача не дублирует предыдущую, не является ее простым логическим продолжением, вполне может претендовать на самостоятельный статус.

5. В качестве отдельной задачи имеет смысл выделить исследование роли и места России в актуальных процессах деглобализации, более того, можно попытаться определить, в какой степени Россия выступает одним из субъектов деглобализации? Ведь оппонирование лидерскому статусу США в разных точках планеты (в первую очередь на постсоветском пространстве и в Сирии) и, разумеется, включение в состав Российской Федерации Крымского полуострова можно рассматривать не как события, которые просто совпали с деглобализацией по времени, но и как факторы, подстегнувшие ее.

6. Те представители научного сообщества, которые не чужаются прогностических функций науки, не могут не задаваться вопросами: а что, собственно, будет дальше? будет ли глобализация свернута не на время, а окончательно? То есть человечество в отдаленной перспективе продолжит развиваться в достаточно привычном для себя (и науки) формате отдельных наций и суверенных государств, а некие «космополитические прослойки» в бизнесе, науке, культуре будут просто оттенять или украшать раздельное существование, как это всегда и было в истории. Или же глобализация просто переждет до лучших времен, дождавшись которых вновь вернет свои права в соответствии с уже опробованным сценарием – сначала глобализация в экономике, потом в культуре и в политике – или в другой последовательности?

Ни в коем случае не претендуя на обращение ко всем обозначенным проблемным направлениям, коснемся первого, четвертого и отчасти шестого из них, оставив остальные для последующей разработки.

Уточнение понятий. Рассматривать глобализацию сквозь призму диалектической пары «тенденции и контртенденции» с целью избегания примитивизации представлений о ее реальности было принято и в золотой век глобализации (точнее в золотые два десятилетия). Если под глобализацией понимался вполне канонический набор феноменов – международное сотрудничество практически во всех областях жизнедеятельности, усиливающаяся либерализация торговли, увеличение степени открытости рынков и экономик, то к контртенденциям было принято относить явления, вроде бы отвечающие основным критериям глобализации (трансграничность, транснационализм), но представляющие собой угрозы и риски для человечества. Иначе говоря, к контртенденциям причисляли обратные, негативные сторо-

ны глобализации, такие как: международный терроризм, интернациональный криминал, трансграничные наркотрафики и т. п. В контртенденции иногда включался антиглобализм (антиглобалистские движения) и сепаратизм. Сепаратизм – это чуть ли не единственный феномен из упомянутых, который может быть отнесен и к нынешней деглобализации. Однако ни о новой протекционистской политике, ни об экономических стратегиях импортозамещения, ни о международных конфликтах на уровне самых влиятельных государств мира, ни о торговых войнах между теснейшими политическими союзниками, ни о нередко демонстративных нарушениях правил свободной торговли не могло быть и речи еще десять лет назад. Даже тогда, когда в связи с волной мирового кризиса в повестке обозначился вопрос о кризисе глобализации. В сегодняшних масштабах об этом не говорили даже в 2014 г., когда стремительная развязка политического кризиса на Украине привела не только к революционной смене власти в стране, но и к отпадению от Украины Крыма с последующим его включением в состав Российской Федерации, гибридной войне в Донбассе, санкциям-антисанкциям и прочим последствиям. Общая совокупность феноменов актуальной деглобализации – протекционизм, торговые войны, правый популизм в странах Запада, международная конфронтация, усиление суверенитетов и, самое главное, стремительная экспансия политики в сферу экономики – образовала целостный феномен буквально в последние год-два. Говорить просто о контртенденциях глобализации теперь недостаточно, нужны особые термины и понятия.

Вполне допустимое, несколько раз упомянутое выше понятие «контрглобализация» не прижилось ни в отечественных, ни в зарубежных политических и социальных науках. Его англоязычный аналог *counter-globalization* в западной (в первую очередь англоязычной) науке и публицистике используется в основном применительно к антиглобалистским общественным движениям. Интересно, что эти движения, которые были сильны и популярны в последнее десятилетие XX в. и в самом начале 2000-х [2; 8; 17], удивительным и до конца не проясненным образом утратили свою актуальность и явно пошли на спад ровно тогда, когда у глобализации начались реальные проблемы и на спад пошла она¹.

Понятие деглобализации представляется удобным для использования как в научной среде, так и в средах медийной и публично-общественной, ввиду минимум двух причин.

Во-первых, оно может опираться на априорное, интуитивное и при этом вполне адекватное осознание стоящего за ним смысла, что всегда положительно сказывается на скорости рецепции социогуманитарных понятий в научной среде. В этом плане оно удобно для использования в понятийно-терминологических играх и даже войнах, к которым склонны социально-политические и гуманитарные исследователи, особенно те из них, что предпочитают красоту теории простоте факта. Очень важно подчеркнуть, что это понятие может быть легко воспринято не только профессиональными уче-

¹ Пожалуй, последним заметным проявлением антиглобализма стало движение Occupy Wall Street в 2011 г.

ными, но и большинством тех, кто проживает свою жизнь и выстраивает свои профессиональные траектории за пределами научного сообщества.

Во-вторых, использование этого, по сути *ре-активного*, понятия (вторичного и зависимого от понятия «глобализация») позволяет осуществить серьезную экономию усилий по его содержательному наполнению. Выбор достойного определения понятия «глобализация» и разъяснение понятия деглобализации по принципу «от обратного» – это довольно простая процедура. Деглобализацию легко и просто представлять как процесс, противоположный глобализации. Такое понимание будет вполне соответствовать актуальным реалиям, не будет искажать или примитивизировать действительность в ее теоретических отображениях, а наоборот, будет «схватывать» ее фундаментальные основания, не вредя деталям. Важно и то, что такое понятие способно обеспечить согласованную коммуникацию, если не абсолютного, то относительного большинства участников научного сообщества.

На протяжении многих лет автор этой статьи как в преподавательской практике, так и в текстах разных жанров (от научного до публицистического), пользовался определением глобализации, которое дал Томас Палмер: «Глобализация – это естественные и искусственные процессы ослабления или уничтожения государственных барьеров, стоящих на путях различных типов обменов» [23, р. 13]. Можно полностью согласиться с автором в том, что он сам считает сильной стороной такого определения. Оно не носит оценочного характера – ни рационально-прагматического, ни этического. Оно не отвечает на вопрос, хороша или плоха глобализация, поскольку этого вопроса не задает и этого вопроса избегает. Тем не менее, среди сотен (или тысяч) определений глобализации практически невозможно найти хоть одно, которое не соответствовало бы палмеровской формулировке. Так что, отталкиваясь от нее, легко определить деглобализацию как процесс восстановления и укрепления межгосударственных барьеров на путях разного рода обменов.

Поскольку речь идет именно о межгосударственных барьерах, представляется важным дополнить (или даже усилить) понятие деглобализации отдельным понятием ресуверенизации. Если понятие деглобализации идеально подходит для формулировки сущности контрглобализационных процессов в сфере экономики (санкции-антисанкции, нарушение регламентов ВТО, торговые войны, протекционистская политика, политика импортозамещения и т. п.), то ресуверенизация может адекватно выразить политическую сторону контрглобализационных тенденций. Речь идет о тенденциях возвращения и укрепления суверенитета, правда, не всеми государственными акторами международных отношений, но достаточно значимым их количеством. В отечественной науке, благодаря таким авторам, как М. М. Лебедева [11], А. Д. Богатуров [1], отчасти П. А. Цыганков [20], сложилась целая традиция методологического разделения современных международных отношений (в эпоху глобализации) и классических (традиционных) международных отношений. Последние (их часто определяют как вестфальскую модель) в первую очередь характеризовал государствоцентризм. Государство

являлось не просто главным, но по сути единственным участником международных отношений. Поствестфальские международные отношения упомянутые авторы предлагают определять как мировую политику, отказавшись от свойственного многим ученым-международникам представления о том, что мировая политика – это что-то вроде «высшей лиги» международных отношений, прерогатива ограниченного круга влиятельных держав.

У мировой политики в такой интерпретации две ипостаси. С одной стороны, это система международных отношений, в которой государство не является единственным актором, более того, логика ее развития ведет к тому, что оно может утратить почетный статус пусть не единственного, но главного актора международных отношений. Наряду с государствами в мировой политике принимает участие множество негосударственных акторов, канонический список которых вошел во все отечественные учебники по теории международных отношений: транснациональные корпорации, международные (межправительственные и неправительственные) организации, регионы отдельных государств (и даже отдельные города), интернациональные общественные и политические движения, отдельные граждане (личности) и т. д. С другой стороны, мировая политика предполагает трансформацию самих государств, точнее государственных суверенитетов, для чего используется достаточно широкий набор метафор: «размягчение суверенитета», «расплавление суверенитета», «коррозия суверенитета» и т. п. Нередко для простоты все это определялось понятием «десуверенизация» с сопутствующим разъяснением, что речь идет не об утрате национально-государственной независимости в классическом понимании – попадании в сферу влияния сильных держав или даже превращении в их колонии и полукolonии, а о размывании суверенитета вполне самостоятельных государств.

Кризис глобализации в политике (в сфере международных отношений) представляет собой активизацию процессов ресуверенизации, возвращения суверенности, усиления суверенитетов. Таким образом, деглобализация и ресуверенизация образуют своего рода понятийную пару, а процессы, стоящие за этими понятиями, могут рассматриваться как двойной мегатренд 2010-х гг., если воспользоваться популярным понятием Джона Нейсбита [14]. Понятие деглобализации больше относится к экономике, хотя и охватывает все проявления политического вмешательства в экономику. Второе тяготеет к политической сфере и потому может быть востребовано в первую очередь международниками и политологами.

Специфика современной деглобализации. Об исторических циклах усиления и ослабления глобализации было много исследований во времена ее последнего расцвета [15]. Тезис о том, что в истории уже случались как глобализации, так и деглобализации, можно считать хорошо обоснованным. Поэтому правомерно ставить вопрос не о принципиальной уникальности нынешнего этапа, а о специфических его чертах. В отечественной науке большое, на наш взгляд завышенное, значение придается в этом смысле упадку лидерской роли США и концу однополярного мира. Такой взгляд на

деглобализацию развернуто сформулировал Л. Н. Клепацкий: «Деглобализация имеет многоаспектное измерение. Она выражается в постепенном ослаблении экономических позиций западного сообщества, уменьшении роли доллара в качестве основной валюты мира, появлении новых платежных систем. В целом этот процесс развивается по двум каналам: формирование азиатских центров экономического роста, рождение новых финансовых и регулирующих институтов, функционирующих параллельно с существующими международными структурами (особенно это развивается в рамках БРИКС и азиатской подсистеме), и создание компромиссных структур типа «Группы двадцати». Поскольку на этом направлении нет существенных подвижек, и западное сообщество упорно стоит на своих позициях, то следует ожидать более активных действий по линии параллельных структур. Деглобализация означает возвращение к ситуации, когда национальное государство несет ответственность за состояние дел в пределах своей территории и в отношениях с другими членами международного сообщества. Перед западным сообществом возникает дилемма: или следовать политике своего моноцентризма в мире, навязывая международному сообществу свои правила жизни и ценности, или пойти дорогой поиска нового баланса интересов в международных отношениях, выстраивая с БРИКС, государствами азиатской подсистемы конструктивную, а не конфронтационную модель сотрудничества. Судя по некоторым признакам, Евросоюз больше склоняется к первому варианту, США же нацеливаются на продолжение своей стратегии» [7, с. 45].

В принципе соглашаясь с автором, более того, делая акцент на том, что деглобализация не могла происходить отдельно от перемен в общей расстановке сил в международной системе, сформулируем еще несколько черт, образующих достаточно цельный комплекс уникальных особенностей современных деглобализации и ресуверенизации.

1. Принципиальным является тот момент, что нынешняя ресуверенизация не представляет собой движения к взаимной обособленности. Возвращение и укрепление суверенитета не означает изоляции, что наглядно демонстрирует Россия, в которой очевидное охлаждение отношений со странами консолидированного Запада компенсируется достаточно активным развитием многоаспектных отношений со странами АТР. По крайней мере, такое развитие отнесено к числу важнейших внешнеполитических приоритетов России и даже брендировано метафорой «поворот на Восток». Суверенизация, сочетающаяся с сохранением глубокой взаимозависимости государств, восстановление и усиление суверенитета в условиях сохранения взаимозависимости, в первую очередь экономической, вот, пожалуй, важнейшая сущностная черта современной деглобализации.

2. Деглобализация происходит в условиях реальной перегруппировки сил в рамках мировой системы. Все предшествующие волны деглобализации случались в обстоятельствах безусловного доминирования «большого Запада», более того, совершенно не угрожали этому доминированию. Даже

та серьезная роль, которую на протяжении нескольких десятилетий играл в мировой политике СССР, не отменяла этого доминирования Запада. Не отменяла хотя бы потому, что исповедующая европейский по своему происхождению марксизм крупнейшая социалистическая держава, что называется, «цивилизационно» принадлежала Западу, а не Востоку, несмотря на все вроде бы «азиатские» эксцессы в своей внутренней политике. Сейчас происходит реальный упадок лидерства Запада – уже не только экономического, но и технологического. Лидерство Китая и в целом комплекса стран Азиатско-Тихоокеанского региона становится все более очевидным и обоснованным фактами. Сейчас очень непросто высказываться о природе взаимосвязи между уверенным ростом Китая и в целом Азии, с одной стороны, и деглобализацией, с другой. Возможно, мы имеем дело с простым совпадением мегатрендов. Возможно, деглобализация является неизбежным следствием кризиса однополярного мира. Возможно, его причиной.

3. В этом смысле особенно интересно то обстоятельство, что активным проводником деглобализации оказываются сегодня не только страны мир-системной полупериферии (термин И. Валлерстайна [24]), например Россия, но и сами страны-лидеры, в первую очередь США. Первые попытки обуздания бесконтрольной глобализации были осуществлены именно мировым гегемоном, на которого традиционно возлагалась вся ответственность за «язвы глобализации». Плоды предпринятых США подобных контрглобализационных усилий могли принести пользу слабым игрокам мировой экономики, теми, кто обладает полноценной субъектностью в мировой политике. Речь в первую очередь следует вести о международной политике США времен президентства Барака Обамы, предполагавшей при поддержке и непосредственном участии большинства стран из «Большой двадцатки» взятие под контроль рискованных игр с валютными курсами и ограничение возможностей налоговых убежищ (офшоров). Политика эта была продиктована не только интересами США и наиболее значимых для мировой экономики стран, но и в некоторой степени стремлением обезопасить экономически слабые государства от разорительных экономических провалов и в целом от экономической неустойчивости, создаваемой офшорами и свободными играми на валютных рынках.

Правда, едва наметившаяся условно «альтруистическая» в отдельных своих аспектах коллективистская стратегия обуздания глобализации, судя по всему, может оказаться если не тупиковой, то бесполезной. Полноценным мейнстримом деглобализации становится вполне эгоистическая политика самопомощи на национально-государственном уровне, пусть и не стремящаяся с высокой скоростью к окончательному торжеству принципа «каждый спасается сам и в одиночку», но выбравшая этот принцип в качестве ключевого вектора. Наиболее яркий пример этого демонстрируют опять США, но уже управляемые администрацией Трампа, что стало своего рода сюрпризом, ибо еще пять лет назад, когда тенденции деглобализации только укреплялись, но уже мало кого удивляли, мало кто мог поверить в то,

что настоящим флагманом деглобализации может стать страна, которая десятилетиями являлась общепризнанным локомотивом глобализации, обретая в этом качестве уважение и восхищение одних, презрение и ненависть других. Экономический контрглобализационный эгоизм предполагает включение механизмов традиционного протекционизма, исследование и обсуждение специфических черт современных форм которого относительно тех, что имели место в истории прежде, требует отдельного времени и отдельных профессиональных усилий. Если торговые войны, развязанные Трампом с КНР, могли быть предсказаны и довольно активно предсказывались, то торговые войны США с Европейским союзом стали сюрпризом, а торговые войны США с ближайшими соседями и партнерами по НАФТА – Канадой и Мексикой – воспринимаются как невиданное чудо, на глазах изумленной публики становящееся реальностью.

Последние, если продолжать описывать происходящее в терминах «войны», могут быть отнесены не столько к войнам, сколько к стычкам или к некой «торговой позиционной войне». Аспекты этой «позиционности» невероятно интересны. Так, например, значимым событием августа 2018 г. стало достижение предварительных договоренностей США и Мексики о новом торговом соглашении, которое, по сути, должно в перспективе заменить действовавшее на протяжении нескольких десятилетий соглашение о североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА). Отметим, что речь идет о двухстороннем соглашении (модель «государство – государство»), обходящем, игнорирующем правила интеграционного образования (НАФТА), которое на протяжении нескольких десятилетий служило по частотности употребления вторым после Европейского союза примером успехов глобализации. Отдельно заметим: в том, что происходит в экономических отношениях США как с КНР, так и с Европейским союзом, обнаруживаются все черты уже не «позиционной», а «маневренной торговой войны»

4. Дополнительным фактором деглобализации становятся множачиеся феномены антиэлитных политических процессов в странах Запада, приобретающих в основном вид нового правого и нового левого популизма, и «электоральных бунтов», направленных против всех конкурирующих в пространстве публичной политики фракций правящих элит. Типичными примерами последнего стали упомянутые выше Brexit в Великобритании (запуск через общенародный референдум процедуры выхода страны из Европейского союза) и победа на президентских выборах в США Дональда Трампа, который в своей избирательной кампании продемонстрировал просто выдающиеся образцы контрглобализационной риторики.

5. Пожалуй, в качестве отдельной специфической черты имеет смысл выделить продолжающийся упадок идеологий, начавшийся после распада СССР и общемирового кризиса левых идей и продолжившийся кризисом неоллиберализма. Памятен известный приговор-диагноз Ф. Фукуямы: «То, что мы наблюдаем, – писал он, – это не просто конец холодной войны или окончание конкретного периода послевоенной истории, но это конец исто-

рии как таковой: т. е., конечная остановка идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии в качестве конечной формы организации человеческого общества» [19, с. 140]. Время показало, что «конец идеологий» касается не только побежденных идеологий, но и идеологии-победительницы – западной либеральной демократии. Со времен выхода знаменитого текста Фукуямы, от основных идей которого их автор, впрочем, впоследствии эффектно отказался [18], прошло больше четверти века, и вместо торжества либеральной идеологии мы, пожалуй, имеем дело с торжеством деидеологизации, по сути с торжеством вполне безыдейного прагматизма. Прагматизм в условиях деглобализации и ресуверенизации становится простым и активно используемым инструментом выживания и существования для разных акторов международных отношений.

В заключение коротко и поверхностно обратимся к теме ожиданий, тревог и надежд, которые можно связывать с современной деглобализацией, и к вопросу о ее перспективах.

Заметим, что торжествующие оценки деглобализации, характерные для российских авторов, не разделяются повсеместно. Голоса, тональность которых можно отнести не только к тревожным, но и к апокалиптическим, звучат чуть ли не ежедневно. Приведем один из свежайших примеров «тревожного предупреждения»: «Отказ от глобализации может обнулить десятилетия экономических достижений, ставших результатом укрепления торговых и инвестиционных связей, – заявил главный управляющий Банка международных расчетов (BIS), также называемого «Центробанк центробанков», Агустин Карстенс в ходе своего выступления на симпозиуме по экономической политике в Федеральном резервном банке Канзаса 25 августа. – Он чреват ростом цен и безработицы, а также замедлением экономики, нарушениями в работе рынков и сокращением капитальных затрат на фоне страха инвесторов и ужесточения денежно-кредитной политики». В результате совпадения всех этих факторов мировую экономику накроет «идеальный шторм», предупредил Карстенс [12].

Пожалуй, ни один вменяемый исследователь, свободный от политических предрассудков и по определению ставящий научную беспристрастность выше идеологических предпочтений (личных или коллективных), не рискнет высказываться о деглобализации в духе того, что она становится незыблемым законом дальнейшего развития человечества. Научную дискуссию на самом интересном и ответственном ее этапе – перехода от сбора и первичного анализа фактов к масштабным теоретическим обобщениям – следует ориентировать в направлении разрешения вопроса в менее радикальной формулировке. Является ли актуальная деглобализация эпизодом (временным отступлением) или полноценной тенденцией, могущей претендовать на статус мегатренда? Если второе (автор данной статьи придерживается этой позиции), то, как и любая тенденция, деглобализация не может не порождать по мере собственного развития собственную контртенденцию. В данном случае таковой является глобализация, которая, пусть и «встав на

паузу» или отступив на «скамейку запасных», будет существовать в том или ином виде не просто параллельно деглобализации, а в тесном гибридном (функциональном) синтезе с ней. Более того, в определенной перспективе (и это отдельный вопрос, в какой – кратко- или среднесрочной?) глобализация наверняка вернет себе статус самостоятельного мегатренда, т. е., вернется, в том числе и для того, чтобы начать работать на генезис, укрепление и последующее доминирование следующей новой волны деглобализации.

Наверное, такое видение происходящего и вероятных перспектив является наиболее адекватным, вполне согласующимся как с историческим опытом человечества и общей логикой исторического развития, так и с теми массивами фактов, которые мы можем фиксировать и по мере сил исследовать сейчас в режиме реального исторического времени. Времени деглобализации.

Список литературы

1. *Богатуров А. Д.* Анклавная природа мировой политики и перспективы формирования мирового общества // Современная мировая политика. Прикладной анализ. М. : Аспект-Пресс, 2009. С. 40–63.
2. *Бузгалин А. В.* Альтерглобализм. К теории феномена [Электронный ресурс] // Журнал Альтернативы. URL: <http://www.alternativy.ru/node/17> (дата обращения: 04.04.2018).
3. *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М. Л. Коробочкина. М. : Весь Мир, 2004. 120 с.
4. Глобализация: контуры XXI века : реферат. сб. / РАН ИНИОН, Центр научно-информ. исслед. глобал. и регион. проблем. Отд. Вост. Европы ; редкол. вып. : Ю. И. Игрицкий ; отв. ред. П. В. Малиновский [и др.]. М. : ИНИОН РАН, 2001. Ч. 1. 264 с.
5. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / Д. Хелд [и др.] ; пер. с англ. В. В. Сапова, В. Л. Рубанова, М. В. Соколовой. М. : Практис, 2004. 576 с.
6. *Кант Иммануил.* Спор факультетов / пер. с нем. Ц. Г. Арзаканяна, И. Д. Копцева, М. И. Левина. Калининград : Изд-во КГУ, 2002. 286 с.
7. *Клепацкий Л. Н.* Деглобализация мировой системы // Междунар. жизнь. 2015. № 8. С. 25–45.
8. *Кляйн Наоми.* Заборы и окна: Хроники антиглобализационного движения / пер. с англ. А. Дорман. М. : Добрая кн., 2005. 304 с.
9. *Кондратьев В. Б.* Конец глобализации, или К новому капитализму [Электронный ресурс] // Перспективы : электрон. журн. 2017. № 2. С. 5–22. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=645&id=4139 (дата обращения: 25.11.2018).
10. *Королева А.* Глобализацию поставили на паузу [Электронный ресурс] // Эксперт Online. URL: <http://expert.ru/2017/01/19/globalizatsiya/> (дата обращения: 12.05.2018).
11. *Лебедева М. М.* Мировая политика : учебник. М. : Аспект Пресс, 2007. 365 с.
12. *Макаров О.* Как «Центробанк центробанков» пригрозил «идеальным штормом» в экономике [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/27/08/2018/5b83f44c9a79476bf89f714c> (дата обращения: 06.07.2018).
13. *Молдин Уильям.* Эпохе глобализации может прийти конец. Экономисты обеспокоены ростом протекционизма и ухудшением ситуации в международной торговле и инвестициях [Электронный ресурс] // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/10/07/660095-globalizatsii-konet> (дата обращения: 22.03.2018).
14. *Нейсбит Джон.* Мегатренды / пер. с англ. М. Б. Левина. М. : АСТ ; Ермак, 2003. 380 с.
15. *Пантин В. И.* Циклы и волны глобальной истории. М. : Новый Век, 2003. 276 с.

16. *Сарбаев О.* Деглобализация: фундаментальные принципы [Электронный ресурс]. URL: <http://politiko.ua/blogpost29328> (дата обращения: 16.06.2017).
17. Сумерки глобализации. Настольная книга антиглобалиста / сост. А. Ашкеров. М. : АСТ, 2004. 348 с. (Великие противостояния).
18. *Фукуяма Френсис.* Какое общество лежит в конце истории? [Электронный ресурс] // The Kiev Times. URL: <http://thekievtimes.ua/politics/383768-frensis-fukuyama-kakoe-obshhestvo-lezhit-v-konce-istorii.html> (дата обращения: 12.09.2018).
19. *Фукуяма Френсис.* Конец истории? // Вопр. философии. 1990. № 3. С. 134–148.
20. *Цыганков А. П., Цыганков П. А.* Социология международных отношений: анализ российских и западных теорий. М. : Аспект-пресс, 2006. 238 с.
21. *Юнг А., Цанд Б., Глюзинг Й.* Конец эпохи глобализации / пер. с англ. В. Широков [Электронный ресурс] // Профиль. URL: <http://www.profile.ru/economics/item/103224-konets-epokhi-globalizatsii> (дата обращения: 22.07.2018).
22. *Nye J.* Which Globalization Will Survive? [Electronic resource] // Project Syndicate. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/which-globalization-will-survive?barrier=accesspaylog> (mode of access: 30.06.2018).
23. *Palmer T. G.* Globalization and Culture: Homogeneity, Diversity, Identity, Liberty. Potsdam : The Liberal Institute of the Friedrich Naumann Foundation, 2004. 30 p.
24. *Wallerstein I.* World-Systems Analysis: Theoretical and Interpretative Issues // Social Change in the Capitalist World-Economy. Beverly Hills, 1978. pp. 219–235.

Deglobalization and Resovereignization: a Double Megatrend of the 2010s

S. F. Schmidt

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. This is an overview of the recent deglobalization tendencies in the world economy and politics. The article analyzes heuristic value and usefulness of the “deglobalization” and “resovereignization” concepts for modern science. Main tasks necessary for studying the phenomenon of deglobalization have been defined. The author proposed a list of five features that are unique to deglobalization nowadays. In the conclusion the author hypothesized about the cyclical nature of globalization and deglobalization waves and speculated that the globalization of a new kind is inevitably going to replace the trend of deglobalization in the future.

Keywords: anti-sanctions, globalization, deglobalization, world politics, megatrends, resovereignization, sanctions, trade wars, Brexit.

For citation: Schmidt S. F. Deglobalization and Resovereignization: a Double Megatrend of the 2010s. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2018, vol. 26, pp. 5-20. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.26.5> (in Russian)

References

1. Bogaturov A.D. *Anklavnaya priroda mirovoj politiki i perspektivy formirovaniya mirovogo obshchestva* [Enclave nature of world politics and the prospects for the formation of world society]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2009, pp. 40-63. (in Russian)
2. Buzgalin. A.V. *Al'terglobalizm. K teorii fenomena* [Alterglobalism. To the theory of the phenomenon]. Available at: <http://www.alternativy.ru/node/17> (data of access: 04.04.2018). (in Russian)
3. Giddens Entoni. *Uskol'zayushchij mir: kak globalizaciya menyaet nashu zhizn'* [Run-away World: How Globalization is Reshaping Our Lives]. Moscow, Ves Mir Publ., 2004, 120 p. (in Russian)

4. *Globalizaciya: Kontury XXI veka* [Globalization: The outlines of the 21st century]. Moscow, 2001, 264 p. (in Russian)
5. *Global'nye transformacii: Politika, ekonomika, kul'tura* [Global Transformations: Politics, Economics and Culture]. Moscow, Praxis Publ., 2004, 576 p. (in Russian)
6. Kant Immanuel. Spor fakul'tetov [Faculty dispute]. Kaliningrad, KGU Publ., 2002, 286 p. (in Russian)
7. Klepackij L.N. *Deglobalizaciya mirovoj sistemy* [Deglobalization of the world system]. *Mezhdunarodnaya zhizn*, 2015, no 8, pp. 25-45. (in Russian)
8. Klyajn Naomi. *Zabory i okna: Hroniki antiglobalizacionnogo dvizheniya* [Fences and Windows: Dispatches from the Front Lines of the Globalization Debate]. Moscow, Dobraya kniga Publ., 2005, 304 p. (in Russian)
9. Kondrat'ev V.B. *Konec globalizacii, ili k novomu kapitalizmu* [End of globalization, or to a new capitalism]. *Perspektivy*, 2017, no 2, pp. 5-22. (in Russian)
10. Koroleva A. *Globalizaciyu postavili na pauzu* [Globalization was paused]. Available at: <http://expert.ru/2017/01/19/globalizatsiya/> (data of access: 12.05.2018). (in Russian)
11. Lebedeva M.M. *Mirovaya politika: Uchebnik dlya vuzov* [World Politics: Textbook for high schools]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2007, 365 p. (in Russian)
12. Makarov O. *Kak «Centrobank centrobankov» prigrizol «ideal'nyy shtormom» v ekonomike* [«Central Bank of the Central Banks» threatened with an «ideal storm» in the economy]. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/27/08/2018/5b83f44c9a79476bf89f714c> (data of access: 06.07.2018). (in Russian)
13. Moldin Uil'yam. *Epohe globalizacii mozhет priyti konec. Ekonomisty obespekoyeny rostom protekcionizma i uhudsheniem situacii v mezhdunarodnyh trgovle i investiciyah* [The era of globalization may come to an end. Economists are concerned about the growth of protectionism and the deterioration of the situation in international trade and investment]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/10/07/660095-globalizatsii-konets> (data of access: 22.03.2018). (in Russian)
14. Nejsbit Dzhon. *Megatrendy* [Megatrends]. Moscow, ACT; Ermak Publ., 2003, 380 p. (in Russian)
15. Pantin V.I. *Cikly i volny global'noj istorii* [Cycles and waves of global history]. Moscow, Novyj Vek Publ., 2003, 276 p. (in Russian)
16. Sarbaev O. *Deglobalizaciya: fundamental'nye principy* [Deglobalization: Fundamental Principles]. Available at: <http://politiko.ua/blogpost29328> (data of access: 16.06.2017). (in Russian)
17. *Sumerki globalizacii. Nastol'naya kniga antiglobalista* [Twilight of globalization. Handbook of antiglobalist]. Moscow, AST Publ., 2004, 348 p. (in Russian)
18. Frensis Fukuyama. *Kakoe obshchestvo lezhit v konce istorii?* [What's society is at the end of the history?]. Available at: <http://thekievtimes.ua/politics/383768-frensis-fukuyama-kakoe-obshchestvo-lezhit-v-konce-istorii.html> (data of access: 12.09.2018). (in Russian)
19. Fukuyama Frensis. *Konec istorii?* [The end of the history?]. *Voprosy filosofii*, 1990, no 3, pp. 134-148. (in Russian)
20. Cygankov A.P., Cygankov P.A. *Sociologiya mezhdunarodnyh otnoshenij: Analiz rossijskih i zapadnyh teorij* [Sociology of International Relations: Analysis of Russian and Western Theories]. Moscow, Aspekt-press Publ., 2006, 238 p. (in Russian)
21. Yung A., Cand B., Glyuzing J. *Konec epohi globalizacii. Per. s angl. Vladimir Shirokov* [End of the era of globalization]. Available at: <http://www.profile.ru/economics/item/103224-konets-epokhi-globalizatsii> (data of access: 22.07.2018). (in Russian)
22. Nye J. Which Globalization Will Survive? [Electronic resource]. *Project Syndicate*. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/which-globalization-will-survive?barrier=accesspaylog> (data of access: 30.06.2018).
23. Palmer T. *Globalization and Culture: Homogeneity, Diversity, Identity, Liberty*. Potsdam, The Liberal Institute of the Friedrich Naumann Foundation, 2004, 30 p.

24. Wallerstein I. World-Systems Analysis: Theoretical and Interpretative Issues. Social Change in the Capitalist World-Economy. Beverly Hills, 1978, pp. 219-235.

Шмидт Сергей Федорович

*кандидат исторических наук, доцент,
кафедра мировой истории и международ-
ных отношений, исторический факультет
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003,
г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)241974
e-mail: cevelik@mail.ru*

Schmidt Sergey Fedorovich

*Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of World History and
International Relations, Faculty of History
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
tel.: 8(3952)241974
e-mail: cevelik@mail.ru*

Дата поступления: 03.09.2018

Received: September, 03, 2018